

Баранова, Е. В. В.И. Пичета: белорусское обрамление исторического портрета (к 130-летию со дня рождения) / Е. В. Баранова, О. А. Яновский // Российские и славянские исследования: науч. сб. / Белорус. гос. ун-т.; А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. – Минск, 2008. — Вып. 3. – С. 219–232.

Е. В. Баранова, О. А. Яновский

В. И. ПИЧЕТА: БЕЛОРУССКОЕ ОБРАМЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА (к 130-летию со дня рождения)

После Октября 1917 г. Владимир Иванович Пичета стал одним из тех ученых, кто не только воспринял новую власть, но и стал с ней сотрудничать. По натуре Пичета не был радикалом, хотя существуют предположения, что был близок к деятелям Народно-социалистической партии и, возможно, связан с социал-демократами, последователями Г. В. Плеханова [1, с. 294—295]. Имеется и документ, свидетельствующий о его возможном участии после Октябрьской революции в работе «Лиги федералистов», организованной П. А. Кропоткиным [2, л. 1]. Без сомнения, как историк он отлично понимал необходимость смены режима, который неуклонно вел Россию к краху. Задолго до революции Пичета постоянно встречал противодействие властей как своим либерально-демократическим взглядам, так научному и карьерному росту. Новая же власть давала ему возможность реализовать многие давно намеченные цели. В 1917 г. он стал профессором Московского университета, в 1918 г. защитил диссертацию на степень магистра, а потом и доктора русской истории [3, л. 10]. Вместе с тем Пичета оставался интеллигентом «старого толка» с давно сформировавшимся мировоззрением, способным объективно оценивать сложившуюся обстановку. Изменить свои взгляды соответственно новой идеологии ему было не так просто. В 1919 г., например, он короткое время состоял преподавателем Смоленского университета, из которого был удален в числе пяти других профессоров «за буржуазный образ мыслей» [4, с. 171].

Накануне: белорусы в Москве. Ряд программных установок большевиков (в частности — «право народов на самоопределение»), открывавшие народам бывшей Российской империи путь к определенной политической самостоятельности и строительству собственного государства, совпадали со взглядами ученого — специалиста в области истории Великого княжества Литовского, а значит и истории белорусского народа. Поэтому было вполне естественным то, что уже с 1918 г. Пичета одним из первых включился в работу по осмыслению белорусской истории и культуры, сохранению памятников белорусского исторического прошлого. Его деятельность в 1918—1921 гг. разворачивалась в нескольких направлениях: участие в создании Белорусского научно-культурного общества, преподавание в Белорусском народном университете, участие в Рижских мирных переговорах, работа в комиссиях по организации Белорусского государственного университета.

Известно, что Белорусское научно-культурное общество при содействии Белорусского национального комиссариата было создано в июне 1918 г. Имя Владимира Ивановича упомина

Баранова Елена Валентиновна — аспирант кафедры истории России БГУ; **Яновский Олег Антонович** — заведующий кафедрой истории России БГУ, кандидат исторических наук, профессор

ется в качестве одного из членов-учредителей Общества. Он же являлся и его председателем. Почетными членами общества называются известные ученые: Е. Ф. Карский, М. К. Любавский, П. Н. Жукович, М. В. Довнар-Запольский, И. И. Лаппо, А. П. Сапунов. Первое заседание состоялось 14 июля 1918 г. — на нем присутствовало более 1000 чел. Сохранились архивные документы, свидетельствующие о том, что Общество планировало развернуть широкую издательскую деятельность. К сожалению, большинство из задуманного так и не было реализовано. Были лишь опубликованы сборник лекций по белорусоведению [5] и труды Н. А. Янчука «Этнографический очерк Белоруссии» и «Очерк белорусской литературы» [6, с. 19].

Летом 1918 г. культурно-просветительским отделом Белорусского национального комиссариата был открыт Белорусский народный университет, куда Пичета был приглашен для чтения лекций по истории Беларуси. Это было не случайным: из всех специалистов в данной области он один лояльно относился к большевикам и был единственным историком, кто в изменившихся условиях мог не только систематизировать, но и по-новому подойти к изложению малоизвестной белорусской истории. Прочитанный Пичетой курс под названием «История белорусского народа» был первым курсом по истории Беларуси, когда охватывался максимально длительный период времени (от древнейших времен до 1900 г.) и подымался ряд вопросов, которые ранее не затрагивал никто [7, л. 6; 8, с. 181].

Приобщение к дипломатии. С 1920 г. начинается деятельность Пичеты на дипломатическом поприще: в связи с советско-польской войной при Народном комиссариате иностранных дел РСФСР была организована комиссия специалистов для разработки вопросов об этнографическом составе отдельных территорий Литвы и Беларуси. Пичета вошел в ее состав как научный работник и секретарь. В сентябре 1920 г. он в качестве эксперта был выдвинут коллегой-историком М. Н. Покровским в состав делегации, которая ехала в Ригу для мирных переговоров с Польшей [9, л. 1]. В личном фонде Владимира Ивановича хранятся некоторые документы, датированные 1920 г., проливающие свет на эту сторону его деятельности. Один из документов озаглавлен — «Справки об истории Белоруссии и белорусов, Угорской Руси, о русско-польской границе, этнографической границе в Галиции, Венгрии, Буковине и Бессарабии и др., составленные В. И. Пичетой и Д. Н. Ушаковым и др. для работы российско-украинской делегации при заключении Российско-украинско-польского мирного договора в Риге». Целью составления подобных справок была попытка на научной основе доказать полякам, что занятая ими часть Беларуси и Украины исторически никогда не принадлежала Короне. Доказательства были основаны на широких этнографических, статистических, конфессиональных и других данных [10, л. 55—56]. Справки имели важное значение для установления новых литовско-белорусской и литовско-польской границ. Правда, научные доказательства были девальвированы тогдашними политическими обстоятельствами и соображениями. После заключения Рижского мира Пичета вернулся в Москву. В 1921 г. под председательством П. Л. Войкова была организована польско-советская комиссия для исполнения мирных условий относительно выдачи архивных и культурных ценностей. В ней Владимир Иванович также принимал активное участие, отстаивая интересы белорусского народа. Благодаря его работе некоторые белорусские исторические и культурные ценности (например, «Литовская метрика») были оставлены в Беларуси. Деятельность Пичеты в этом направлении продолжалась вплоть до 1924 г.

Начало белорусского университета. Пичета был в числе тех немногих, кто уже в 1918 г. понимал, что для настоящего возрождения и развития Беларуси нужен мощный научный центр на самой ее территории. Именно поэтому с февраля 1919 г. он становится активным участником работы по подготовке открытия университета в Минске. Уже 25 февраля 1919 г. Президиум ЦИК Советов Беларуси признал «открытие Государственного университета в Минске весьма желательным». Под руководством Е. Ф. Карского при

губернском комиссариате народного просвещения была создана специальная комиссия по организации университета [11, с. 138]. Для

контроля за ее деятельностью, а также для оказания помощи Наркомпросом РСФСР в Москве была организована вторая комиссия во главе с членом коллегии отдела высших учебных заведений В. П. Тер-Оганесовым. Польская оккупация Беларуси летом 1919 г. прервала более чем на год работу университетских комиссий. После освобождения Минска в июле 1920 г. обе комиссии в значительно измененном составе продолжили свою деятельность. На правах члена вошел в московскую комиссию и Пичета, а в октябре 1920 г. по предложению правительства ССРБ он был назначен ее председателем.

Вопрос о ректоре БГУ с самого начала работы организационных университетских комиссий был спорным. Белорусские национальные круги хотели видеть ректором академика Е. Ф. Карского, автора одного из первых университетских проектов, который мог рассчитывать на этот пост. Но в начале 20-х гг. он был «палітычна непажаданым за ягоныя былыя правыя погляды» как для центральных, так и для белорусских властей [12, с. 147, 149; 13, с. 80—81]. В начале 1921 г. в Минске наметили на место ректора Пичету — «по своим политическим взглядам близкого к коммунистам» [14].

Фактическое открытие Белорусского государственного университета состоялось 30 октября 1921 г. Он начал свою деятельность в составе трех факультетов: рабочего, общественных наук и медицинского. Как вспоминал один из соратников Пичеты по строительству БГУ проф. А. А. Савич, на посту ректора «В. И. Пичете пришлось совмещать в себе и организатора научной жизни в новооткрытом университете, и администратора-хозяйственника, и профессора» [15, с. 9]. Действительно, Пичета как ректор имел непосредственное отношение ко всему, чем жил университет — будь то организация его учебной, научной, общественной и культурной жизни или его материально-техническое обеспечение.

Ректорские заботы и тяготы. Под председательством Пичеты Правление БГУ (ректорат) прилагало значительные усилия для обеспечения университетской жизни научными кадрами. Первые факультеты возглавили известные в то время ученые: профессор-химик Б. М. Беркенгейм, нарком просвещения Беларуси, историк В. М. Игнатовский, профессора — историк Н. М. Никольский и литературовед Н. М. Пиотухович. Многие известные ученые ехали в Минск на работу в БГУ только потому, что их лично приглашал ректор. Первыми в 1921 г. приехали давние близкие друзья и знакомые Владимира Ивановича: Д. А. Жаринов, Д. П. Кончаловский, В. Н. Перцев, Н. М. Никольский, В. В. Якунин, И. М. Соловьев, А. А. Савич и др. Но с ростом университета в нем видели достойное продолжение своей научной и педагогической карьеры те, для которых авторитет Пичеты был своего рода визитной карточкой БГУ. Владимир Иванович, привлекая за пределами Беларуси научные силы, вместе с тем ориентировался и на местную интеллигенцию и деятелей белорусского национального движения. В течение 20-х гг. на работу в БГУ им были приглашена целая плеяда белорусских научно-культурных деятелей: Н. А. Янчук, Н. М. Пиотухович, Я. Ю. Лесик, Якуб Колас, С. М. Некрашевич, А. Богданович, И. С. Волк-Леванович,

М. В. Довнар-Запольский, Д. И. Довгяло, В. Д. Друщиц, В. М. Игнатовский, Ф. Ф. Турук, И. И. Красковский, Н. В. Азбукин, А. А. Смолич, Н. Н. Щекотихин, Е. Е. Романов и др. [16, с. 33, 36—38; 17, л. 56 об.].

На основании первого советского положения о вузах профессорско-преподавательский состав был разделен на предметные комиссии, что были организованы на всех факультетах БГУ.

Сам Пичета короткое время возглавлял экономическую и правовую предметные комиссии и принимал участие в работе исторической предметной комиссии [18, л. 4]. По его инициативе на заседаниях исторической предметной комиссии были предприняты все меры для улучшения преподавания исторических дисциплин в университете. Так, было постановлено ввести преподавание истории Беларуси в качестве общеобязательного предмета для всех факультетов БГУ и расширить преподавание других исторических дисциплин. Пичетой были заложены и основы изучения и преподавания славянской истории в БГУ [17, л. 55—56; 19, л. 1—23].

Для проведения учебных занятий на всех факультетах университета требовалась значительная учебно-материальная база как необходимое условие для осуществления продуктивной академической деятельности. Пичета и Правление БГУ, несмотря на тяжелые условия начала 20-х гг., добились блестящих результатов в этом направлении благодаря умелой административно-хозяйственной деятельности. Создание учебных кабинетов, лабораторий, клиник БГУ шло исключительно по проектам самих руководителей соответствующих кафедр без вмешательства других органов, что обеспечивало наилучшую постановку организационного дела. К 1926 г. в составе университета было 11 клиник, 8 лабораторий и 17 специальных кабинетов [20, с. 19]. А к 1930 г. общее количество научных учреждений университета составило около 50 [21, с. 13].

Научная работа профессорско-преподавательского состава университета базировалась на книжных фондах единой на то время Белорусской государственной и университетской библиотеки, входившей до 1926 г. в состав БГУ. Одновременно библиотека являлась и центральным краевым книгохранилищем, что предопределялось проектом централизации библиотечного дела для предотвращения распыления книжных фондов (предложен первым директором библиотеки БГУ И. Б. Симановским). Как отмечал он сам: «Рэальнае ажыццэўленне гэтага праекта стала магчыма толькі дзякуючы падтрыманню яго рэктарам БДУ т. Пічэтай...» [22]. По этому проекту Пичетой совместно с Наркомпросом было выработано положение о Белорусской государственной и университетской библиотеке, утвержденное СНК Беларуси 15 сентября 1922 г. [23, с. 11—12]. Была создана специальная библиотечная комиссия, состоявшая из представителей факультетов университета. Ее председателем являлся Пичета. Главной задачей библиотечной комиссии было пополнение книжных фондов. И в течение 20-х гг. они постоянно росли во многом благодаря стараниям ректора. К концу 1922 г. библиотека насчитывала уже больше 100 тыс. томов, а в 1929 г. — 500 тыс. томов [24, с. 272; 25].

Пичета прилагал немалые усилия для не только качественного, но и количественного развития БГУ. Несомненно, было очевидным то, что первоначальная структура университета — это только первый шаг к созданию полноценного высшего учебного заведения. Поэтому в ряду прочих одной из первоочередных задач Правления и лично ректора было нахождение оптимальных решений по открытию новых факультетов. По предложению Владимира Ивановича в 1925/26 учебном году на базе факультета общественных наук был открыт факультет права и хозяйства, благодаря чему была углублена подготовка национальных квалифицированных кадров юристов и экономистов. В 1929 г., на излете своей ректорской карьеры и

пребывания на белорусской земле, Пичета инициировал открытие нового химико-технологического факультета.

Ректор — значит педагог. Всякий университет начинается с набора студентов. Правление под руководством Пичеты много внимания уделяло подготовке условий для качественного отбора абитуриентов в университет. Согласно правилам приема в БГУ, все абитуриенты подвергались испытаниям по целому ряду предметов. В зависимости от специальности они сдавали экзамены по русскому или белорусскому языкам, русской литературе, алгебре, геометрии, тригонометрии, физике, естествознанию, русской истории, конституции РСФСР [26, с. 55]. Если первый студенческий контингент на 1 января 1922 г. составил 1529 человек (правда, это списочный состав, тогда как к учебе реально приступило значительно меньше студентов), то в 1925/26 учебном году в БГУ на всех факультетах обучалось уже 2550 студентов, в 1927/28 — 2672, а в 1929/30 — 2586 (без медицинского и химико-технологического факультетов, ко

торые в это время уже стали основой для создания отдельных самостоятельных от БГУ институтов) [21, с. 13; 27, с. 6]. Если же посмотреть, так сказать, на «конечный результат» всех проведенных приемных кампаний в бытность Владимира Ивановича ректором БГУ, то всего за 1925—1929 гг. университет подготовил для республики более 3000 специалистов.

В. И. Пичета, выступая 12 апреля 1927 г. на VIII Всебелорусском съезде советов, высказался за создание в Беларуси аспирантуры. И в октябре в БГУ она была официально открыта — в нее было принято 26 первых аспирантов. Через два года их уже было 51 [28, с. 46—47; 29, л. 22]. Сам же Пичета начал набирать аспирантов с 1925 г. Первыми его учениками-исследователями стали Ф. Забелло, А. Бурдейко, К. Товстолес-Шионок, К. Керножицкий, Т. Степанов, Д. Дудков, В. Скардис. Пичета возлагал на своих аспирантов много надежд: «...Беларусь абагаціцца... маладымі навуковымі працаўнікамі, якія могуць заняць тэя кафедры, якія я ў сучасны момант займаю, такім чынам, мною будзе падрыхтавана маладая выключна беларуская змена» [30, л. 136]. Но только через некоторое время, в 30-е гг., степень кандидата наук была присвоена лишь двоим из этой плеяды пичетовских учеников: К. Керножицкому и Д. Дудкову (обоим без защиты диссертации) [31, л. 13; 32, л. 8].

Наука — превыше всего. Большое влияние на ход научной работы и БГУ, и всей Беларуси оказывало Научное общество БГУ, организованное в 1921 г. по инициативе ректора. Членами общества было большинство преподавателей (в 1926 г. — до 250 чел.), в том числе известные ученые с мировым именем. Пичета был одним из основателей существовавшего при БГУ Минского общества истории и древностей, объединившего большинство столичных ученых-историков. Именно там до становления Инбелкульта решались важнейшие вопросы исследования белорусского исторического прошлого. Выступая 28 октября 1922 г. на заседании, Пичета нацелил членов общества на создание своей собственной белорусской истории. Научные труды члены обществ публиковали в республиканских и всесоюзных периодических изданиях, а также за рубежом. Еще 25 ноября 1921 г. по предложению Пичеты было принято постановление о создании научного органа университета — «Прац БДУ». Первый номер журнала вышел уже в апреле 1922 г. [26, с. 47—48]. Всего за 20-е гг. вышло 25 номеров журнала.

Профессора и преподаватели БГУ в целях развития своей научной работы и совершенствования учебного процесса, а также представления республики и университета на международной научной арене регулярно совершали творческие командировки в научно-образовательные центры СССР, а также за границу. Правление под председательством Пичеты всемерно способствовало этому, ходатайствуя перед

правительством о разрешении, о выделении средств и о праве на сам выезд. В 20-е гг. ученые университета посетили ряд стран Европы и Америки, работали в научных библиотеках, лабораториях, архивах принимали участие в работе всесоюзных и международных научных конференций и съездов. Большой продуктивностью и в научном, и в общественно-политическом плане отмечены командировки самого ректора. Летом 1923 г. Пичета посетил Германию, Литву и Польшу, а в 1925 и 1927 гг. — Польшу, Литву, Чехословакию и Германию. Сохранились документы, свидетельствующие о намерении Пичеты посетить в эти годы также и Францию, однако в силу неизвестных причин он этого не сделал [3, л. 25, 29]. Командировки позволили Пичете констатировать тот факт, что «о Белоруссии в Чехии и Западной Европе фактически никто не знает», и «во французском славянском журнале печатаются статьи, в которых белорусская проблема рассматривается с польской точки зрения». Считая такое положение ненормальным, Пичета договорился с редактором одного из пражских журналов об издании своих статей о Франциске Скорине и о белорусском национально-культурном возрождении [3, л. 31—35]. Владимир Иванович с успехом представлял белорусскую историческую науку на международных съездах историков. В декабре 1925 г. он принял участие в съезде польских историков в Познани, где в целом ряде докладов были затронуты темы, непосредственно касавшиеся истории Беларуси. Летом 1928 г. ректор-историк представлял Беларусь в научных исторических конгрессах мирового уровня: в июле он принял участие в работе

международного научного съезда в Берлине («Берлинской исторической неделе»), а в августе в составе советской делегации участвовал в VI международном конгрессе историков в Осло [33; 34]. В августе 1928 г. во время проезда через Прагу Пичета был принят министром иностранных дел Чехословакии Э. Бенешем. Можно предположить, что после удачной командировки в Чехословакию Пичете было сделано предложение о вступлении в члены «Федерации исторических обществ Восточной Европы», председателем которой тогда являлся профессор Я. Бидло. Это предложение ректор БГУ с благодарностью принял [35, с. 162—164].

«Цель — изучение Беларуси...». Пичета всемерно способствовал развитию и активизации научной деятельности студентов, стремясь направить ее в русло разработки наиболее актуальных для Беларуси вопросов. Одним из проявлений общественной и творческой энергии студенческой молодежи стало создание под непосредственным руководством Владимира Ивановича Краеведческого общества БГУ. Оно почти сразу стало мощной и многочисленной студенческой организацией по всестороннему изучению Беларуси. Общество было организовано в конце 1925 — начале 1926 г., а в 1928 г. уже насчитывало 258 чел. [36, с. 9—10]. Правление общества, председателем которого был сам Владимир Иванович, ставило целью изучение Беларуси в «естественном, географическом, социально-экономическом и культурно-историческом направлениях» (по всем этим направлениям были созданы соответствующие секции). Повсеместно шел поиск различных материалов и свидетельств белорусской «даўніны», велась их обработка. Были совершены экспедиции в Туровский район Мозырского округа (1926—1927 гг.), в Ушацкий район Полоцкого округа (на Полотчину выезжал и ректор), на реку Свислочь, в подшефный БГУ Подгайский сельсовет (1927—1928 гг.). Много внимания уделялось популяризации краеведения среди населения республики.

Университет во время ректорства Пичеты становился все более белорусским. Так, в 20-е гг., благодаря его инициативе, БГУ был главным центром (наравне с Инбелкультом) исследования проблем партийной и государственной политики белорусизации и развития вообще всего белорусского национального возрождения. Уже в первые учебные планы всех факультетов университета был введен белорусский язык и другие предметы по белорусоведению. Пристальное внимание уделялось переводу преподавания в БГУ на

белорусский язык, который, согласно постановлениям партии и правительства республики о проведении национальной политики, стал общеобязательным с 1925 г. [37]. Сам Владимир Иванович одним из первых стал читать лекции на белорусском языке, который быстро изучил. В 1927 г. в среднем по университету уже около 50 % учебных часов читалось на белорусском языке. Для пропаганды белорусского языка и культуры по инициативе Пичеты с первых дней работы БГУ были налажены публичные чтения белорусских культурных деятелей — Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича и др. [38, с. 25; 39, с. 286, 288]. Много делал Пичета и для пропаганды белорусского театра и музыки. Студентам педфака БГУ читался специальный курс по истории белорусского театра. Труппа В. И. Голубка не раз выступала на торжественных заседаниях университета. На университетских подмостках ставились пьесы Голубка «Лиходей», «Кровавый пролог», «Суд» и др. Нередко на сцену актового зала БГУ приглашались белорусские музыканты и белорусский хор.

Владимир Иванович выступал и инициатором проведения открытых публичных заседаний с участием широких слоев общественности. Тем самым университет расширял свои аудитории, реализовывая научно-образовательный потенциал непосредственно среди жаждущих всего нового, стремящихся к свету познания трудовых масс. Выпускник БГУ тех лет, известный белорусский историк Николай Улащик вспоминал, что «... уже через неделю после открытия нового вуза, т. е. 7 ноября, когда происходило заседание в связи с четырехлетней годовщиной революции, он выступил с речью... 19 марта 1922 г. университет чествовал Янку Купалу. Очевидно, в Минске это было вообще первое чествование живого поэта... Спустя 25 лет, в последние дни жизни Пичеты, я, вспомнив об этом вечере, спросил — какие цели он ставил, организуя такие вечера. В ответ Владимир Иванович сказал, что он хотел сделать университет центром обще

ственной жизни Белоруссии» [40, с. 71]. Самыми знаменательными событиями в жизни университета и его ректора стали 5-летие со дня образования БГУ и совпавшее с ним 25-летие научно-педагогической и общественно-политической деятельности Пичеты и 5-летие его ректорства. Эти юбилеи стали величайшим триумфом в жизни Пичеты: он был признан одним из наиболее видных деятелей Советской Беларуси, ради процветания которой он без остатка отдавал свою творческую энергию, опыт и знания, ради которой жил.

Управленческие заботы. Владимир Иванович Пичета как ректор БГУ все годы становления и развертывания деятельности университета находился в непосредственной связи с государственными, партийными, профессиональными и общественными структурами Беларуси и г. Минска. Особенно плодотворными для решения первоочередных материальных и хозяйственных проблем были его деловые и даже чисто человеческие отношения с представителями ЦИК и СНК БССР, Минского горисполкома. На этот счет в своих воспоминаниях Н. Н. Улащик отмечал: «Авторитет его (Пичеты. — Авт.) ... в правительственных кругах был очень высок и тогдашний председатель ЦИК Червяков почти безотказно выполнял просьбы и заявки Владимира Ивановича, отводя дома для занятий, квартиры для профессоров, ассигнуя средства на приобретение оборудования, на книги» [7, л. 7].

В момент открытия БГУ в основу его управления был положен новый университетский устав, выработанный Наркомпросом РСФСР. Поскольку в этом уставе были намечены только общие принципы, первое Правление БГУ его переработало применительно к местным условиям и 21 октября 1921 г. «конституция БГУ» была введена в жизнь [16, с. 7—8]. В соответствии с уставом было заново избрано и само руководство — 17 января 1922 г. Переизбрание Правления проходило затем ежегодно, и всегда Владимир Иванович сохранял свой тяжелый и ответственный пост, что подтверждало уважительное отношение к нему и к результатам его работы со стороны коллег и студентов (в дальнейшем ректор БГУ

станет назначаться руководством республики по согласованию с Москвой). Но и в бытность Пичеты на посту ректора (а он был беспартийным) для противовеса ему, как и всей «старой» профессуре, заместителями ректора так или иначе ставились преподаватели-партийцы. Сначала это был бывший заместитель Наркомпроса Беларуси С. З. Каценбоген, затем заведующий рабфаком (будущий заместитель Наркомпроса Беларуси) С. З. Слоним. Партийцы во главе с зам. ректора составляли особую коммунистическую фракцию Правления. Ее члены проводили свои собственные заседания, куда беспартийный Пичета не приглашался и о решениях которых чаще всего не информировался. В первое пятилетие университета, пока партийная линия благоприятствовала белорусскому возрождению, комфракция Правления и партийная ячейка университета активно содействовали работе университета. Пичета и сам работал в очень жестком режиме, заставлял своих коллег дорожить каждой минутой. Например, только режим заседаний Правления по обсуждению многочисленных организационных, финансовых, учебных и научных проблем в первые годы чуть ли не оставлял времени для творческой деятельности. Но оно находилось за счет сна, выдающихся способностей и безукоризненной организации научного труда. А только, например, в 1921/22 учебном году заседаний Правления было проведено 57. На них было принято 338 постановлений по самым разным сторонам университетской жизни. В следующем учебном году 53 заседания завершились принятием 930 постановлений [24, с. 233; 41, с. 330].

В связи с тем, что важнейшие организационные вопросы нужно было решать прежде всего в Москве, сам Владимир Иванович первый год своей работы провел по графику — 10 дней в Минске и неделю в Москве. На протяжении 2,5 лет он ежемесячно принимал участие в работе ректорских совещаний, с которых возвращался в БГУ с множеством порой пустых указаний и поручений [16, с. 16]. С 1924 г. БГУ был передан в подчинение Наркомпроса Беларуси, и ректор БГУ стал получать все необходимые указания на месте.

В 20-е гг. ректора постоянно донимали вопросы хотя бы мало-мальски сносного финансирования, обеспечения факультетов учебными площадями, профессоров — квартирами, студен

тов — интернатами и столовыми, ремонта полученных в распоряжение БГУ дореволюционной постройки зданий, приобретения необходимого научного оборудования и т. д. И Владимир Иванович, казалось бы рафинированный интеллигент, никогда ранее не связанный с подобного рода кругом забот, успешно решал все эти проблемы. Только в 1924 г., перейдя под начало Наркомпроса БССР, университет был включен в общегосударственную смету, что благоприятно отразилось на его финансовом положении. У него появился твердый бюджет [16, с. 21].

Университетские традиции и советские установки. Университет постоянно испытывал острую нехватку площадей, достаточных для налаживания нормального учебного процесса и научной деятельности. В связи с этим осенью 1925 г. Пичетой было отправлено ходатайство в СНК Беларуси о постройке новых, специально для университета приспособленных зданий [42, л. 36]. В ответ на это письмо белорусское правительство поручило комиссариату просвещения провести подготовительную работу и сделать предложения по проектированию и строительству университетского кампуса-городка. А уже 3 ноября 1925 г. была создана специальная комиссия в составе ректора, его заместителя С. З. Слонима, приглашенных архитектора С. Гайдукевича, инженера Ч. Родевича и др. Работа комиссии продолжалась на протяжении последующих двух с половиной лет. Ее итогом стала торжественная закладка первого кирпича в фундамент здания главного корпуса университетского городка, состоявшаяся 6 ноября 1927 г. В мае 1928 г. развернулось масштабное, ранее не виданное для Минска строительство.

«Забота партии и правительства» о нуждах университета не могла не отразиться и на организации и ритме самого главного вида деятельности — учебном процессе. С середины 20-х гг. все более очевидным становилось несоответствие положений университетского устава с формирующимся характером общественно-политической жизни и утверждавшимися партийно-советскими идеологемами. Назрела необходимость в упорядочении многих сторон университетской жизни, которая формализовалась в соответствии с установками властей. Университет вырос из «детских штанишек» академической вольности, определявшейся как порывами революционного сознания первых студентов и национальной интеллигенции, так и новизной дела, неустроенностью, неразберихой с кадрами, базой, оборудованием, планами. В январе 1926 г. по поручению Наркомпроса Беларуси Правление БГУ под председательством Пичеты начало работать над новым университетским уставом [43]. Он должен был зафиксировать все созданное (в данном случае роль ректора трудно умалить), а также внести коррективы с учетом новых обстоятельств и задач, которые ставились «сверху». Но устав создавался пока что «снизу», теми, на кого должны были распространяться его положения. Поэтому естественно, что он по-прежнему предусматривал достаточно широкую университетскую автономию: коллегиальность управления, выборность на руководящие должности ректора и членов Правления, деканов, председателя и президиума предметных комиссий. Вместе с тем вся деятельность БГУ, как и раньше (с введения «Положения о высших учебных заведениях» в 1921 г.), находилась под пристальным наблюдением Наркомпроса Беларуси, а выборные кандидаты на руководящие должности обязательно должны были утверждаться им, так же как и все важнейшие решения Правления. Новый устав был утвержден СНК Беларуси 30 января 1929 г. [44, с. 133], но в условиях «великого перелома» он недолго определял нормы и правила жизни коллектива БГУ.

Пичета и Инбелкульт. Образ Владимира Ивановича в белорусский период его жизни был бы неполным без упоминания хотя бы о некоторых проявлениях его общественно-политической активности в масштабе всей Беларуси. Конечно, его ректорская миссия вполне соотносится с общественно-политической, а не только научно-образовательной заданностью. Однако в 20-е гг. Пичета оказался в эпицентре и других научных, образовательных, культурных, и даже экономических процессов, которые в сумме своей определяли векторы и сущность социалистического строительства в Советской Беларуси.

Так, Пичета был одним из инициаторов создания Института белорусской культуры. В начале 1921 г. во время работы московской комиссии по организации БГУ группа профессоров под

его председательством в схему БГУ включила и институт белорусской и еврейской культур, был разработан проект его устава по типу научно-исследовательских институтов [11, с. 140; 38, с. 14; 45, с. 130]. Однако из-за тяжелого материального положения университета, отсутствия необходимых кадров открыть Институт белорусской культуры при БГУ в 1921 г. не удалось. Но идея не умерла, и частично была реализована с созданием 10 февраля 1921 г. при Наркомпросе Беларуси Научно-Терминологической комиссии [46, с. 9]. Пичета же продолжал отстаивать создание такого института при БГУ. Его проекту в начале 20-х гг. был противопоставлен проект белорусских научных и культурных деятелей, стремившихся создать Институт белорусской культуры в качестве отдельного учреждения. Над уставом института кроме Пичеты активно работали И. Л. Дыло от Наркомпроса Беларуси и академик Е. Ф. Карский в Ленинграде. В результате принятого решения об объединении всех трех проектов, устав Инбелкульта был разработан и принят, предположительно, в ноябре 1921 г. [46, с. 11]. В дальнейшем Пичета был активным сторонником создания на его базе Белорусской АН. Он неоднократно высказывал эту мысль, выступая на заседаниях ЦИК и СНК,

Всебелорусских съездах советов (1924 и 1927 гг.) [20, с. 37; 47, с. 56; 48]. После реорганизации Инбелкульта в 1925 г. Пичета был избран его действительным членом и оставался им на протяжении всей деятельности этого учреждения. Он входил в состав Научного совета (с 1927 г. Академического совета) — высшего органа Инбелкульта и участвовал в решении всех вопросов его деятельности [46, с. 19; 49, л. 72].

В 1925 г. Пичета был избран председателем историко-археологической секции, а также являлся членом постоянной историко-археологической комиссии (председатель М. В. Довнар-Запольский), членом секций — права и социально-экономической [46, с. 43, 46; 49, л. 13; 50, л. 80]. Под руководством Владимира Ивановича в 1925—1927 гг. члены секции занимались изучением всех важнейших сторон белорусской истории, вели библиографическую работу, приступили к составлению историко-археологической карты республики, разрабатывали белорусскую историческую терминологию, готовили к изданию хрестоматию по истории Беларуси [46, с. 47; 51, с. 59; 52]. В кругу научных задач секции было изучение «Литовской метрики», делалась попытка повести борьбу за возвращение этого ценного свода документов и других белорусских архивных коллекций в БССР. На протяжении 1925—1926 гг. историко-археологическая комиссия при участии Пичеты подготовила к печати и начала издавать исторические документы и материалы «Литовской метрики» под названием «Беларускі архіў» (был издан I-й том), подготовила к изданию «Навуковы зборнік гісторыка-археалагічнай камісіі» (вышел в 1927 г.), запланировала составление и издание хрестоматий для проведения семинаров [46, с. 43—45; 53, с. 73; 54, л. 74].

К 1927 г. социально-историческая секция и историко-археологическая комиссия заслушали около ста докладов, организовали исследования курганной культуры Беларуси, городищ и неолитических стоянок, приняли участие в организации Белорусского государственного музея [55, с. 4]. В 1927 г. после реорганизации Инбелкульта Пичета становится заведующим кафедрой права и хозяйства класса истории отдела гуманитарных наук. Он стал руководить и работой прикрепленной к кафедре археографической комиссии (секретарь и единственный член — Д. И. Довгяло), возглавил в 1927/28 учебном году, а возможно и позднее, археологическую комиссию (секретарь А. М. Лявданский, члены — аспиранты К. М. Поликарпович и С. А. Дубинский) [54, л. 14, 16, 17]. С 1929 г. Пичета уже руководит комиссией (кафедрой) права и хозяйства при классе истории БАН, а также возглавляет археографическую комиссию БАН (возможно, эта комиссия в 1929 г. была выделена в отдельное подразделение) [56, с. 51].

Одним из результатов работы кафедры права и хозяйства в 1927/28 учебном году стало написание Пичетой монографии «Гісторыя народнай гаспадаркі ў эпоху першабытнай гаспадаркі і зараджэння феадальнай гаспадаркі. Ч. I». К концу 1932/33 академического года планировалось изучить всю историю народного хозяйства и историю права Беларуси вплоть до Октябрьской революции [54, л. 81, 82]. К концу 1930 г. археографическая комиссия Инбелкульта

под руководством Пичеты подготовила и издала II-й и III-й тома «Беларускага архіву» [49, с. 81—89; 54, л. 16—17, 45—46], а членами археологической комиссии на территории Беларуси было выявлено и обследовано около 100 городищ, более 15 селищ и 270 курганов. Работа Пичеты в этих комиссиях, скорее всего, носила чисто организаторский характер. Однако, безусловно, этой своей деятельностью он способствовал тому подъему, который получили белорусская археография и археология во второй половине 20-х гг.

Всебелорусский уровень мышления и действия. В 20-е гг. Пичета стал одним из организаторов краеведческого движения в Беларуси. После революции число краеведческих организаций стало стихийно

расти. С целью их объединения и координации действий в Инбелкульте в конце 1923 — начале 1924 г. было создано Центральное бюро краеведения, куда наряду с другими белорусскими научно-культурными деятелями (А. Смолич, С. Скондраков, М. Азбукин, В. Друщиц) вошел и Пичета [46, с. 84; 51, с. 7]. С этого времени краеведческое движение приобрело высокую степень организации и распространилось по всей республике. В марте 1924 г. ЦБК созвало Минскую, а в ноябре — Всебелорусскую краеведческие конференции. В сентябре 1925 г. ЦБК уже объединяло около 100 краеведческих организаций. Владимир Иванович являлся и делегатом I Всебелорусского краеведческого съезда (было представлено 87 краеведческих организаций Беларуси), проходившего 7—11 февраля 1926 г. [57, с. 83].

С именем Пичеты связано становление архивного дела в Беларуси. Пригодился его опыт, полученный сразу после революции, когда он работал в Центрархиве РСФСР. С 1921 г., уже став ректором БГУ, он оставался членом научно-организационной коллегии Центрархива. В 1920 г. он, будучи в Минске, ознакомился с положением архивного дела в Беларуси, о чем сделал в Москве соответствующий доклад. Вместе с Д. И. Довгяло, М. В. Мелешко, М. А. Вахаетым и другими историками и архивистами он сумел собрать и сберечь документальные материалы дореволюционных учреждений Витебской, Минской, Могилевской губерний и Западного фронта, а также архивные фонды партийных и советских органов, частей и соединений Красной Армии. Владимир Иванович принимал участие и в первой конференции архивистов Беларуси (12—15 мая 1924 г.), где сделал пять докладов и сообщений, в которых содержались концептуальные предложения по продолжению архивного строительства в Беларуси.

Нельзя в контексте повествования вновь не упомянуть даже такую «мелочь» в белорусском «послужном списке» Владимира Ивановича, как то, что он способствовал росту книжных фондов: в первую очередь государственной и университетской библиотеки, а также и библиотеки Инбелкульта, которая во второй половине 20-х гг. стала одним из белорусских фундаментальных книгохранилищ государственного значения. Например, в одном из ее отчетов приводится список «галоўных крыніц» пополнения, где отдельным пунктом значится, что «Пічэта ў Польшчы закупіў 300 кніг» [58, л. 81].

Все эти направления представляются не только реализацией Пичетой своих профессиональных задатков и возможностей, но и проявлением его общественно-политической активности, стремления быть полезным в реализации и социалистического, и национально-белорусского проектов. С 1922 по 1930 г. он являлся депутатом Минского городского совета, принимал участие в работе секции народного образования горсовета [59, л. 256]. С 1921 по 1930 г. Пичета участвовал в работе съездов Советов Беларуси в качестве делегата, избирался членом ЦИК БССР. Именно он выносил на обсуждение высших советских органов власти новые проекты: открытие аспирантуры, создание Белорусской академии наук и др. [20, с. 19, 37; 47, с. 56].

«...Новая пролетарская школа...мною создана, несмотря на постоянное карканье черных и белых ворон...» (В. И. Пичета). Изменение общественно-политического курса страны и установление сталинской диктатуры во второй половине 20-х гг. напрямую отразились на положении белорусской интеллигенции. В 1929 г. после проверки комиссией ЦКК ВКП(б) во главе с Затонским национальной политики в Беларуси и критической ее оценки развернулась кампания борьбы против «национал-демократов» и «великодержавных

шовинистов [60]. По сфабрикованному делу «Саюза вызвалення Беларусі» проходило 188 чел. В том числе коллеги Владимира Ивановича, его аспиранты и студенты [61, с. 111].

Не остался без внимания спецслужб и сам Пичета. Для «разработки» ректора у них «материала» было достаточно. Ведь Владимир Иванович всегда был на виду, его активность многих или просто раздражала, или вызывала зависть и желание, используя установившуюся в обществе всеобщую атмосферу недоверия и доноительства, избавиться от успешного во всем человека. Несогласных и даже враждебно настроенных против себя ректор встречал повсюду. Немало таких было и в стенах университета, среди коллег и студентов, и во властных кабинетах. Но особо обострились конфронтационные нападки где-то после юбилейных торжеств 1926 г. За елеем и словославием в его адрес по случаю 25-летия научной и педагогической деятельности, после вручения ему уникального звания заслуженного профессора стали усиливаться «подковерные» интриги и явные нападки чуть ли не на все, что исходило в предложениях и в деле от Пичеты. Так, очевидную антипичетовскую линию попыталась было занять коммунистическая фракция Правления БГУ во главе с зам. ректора С. З. Слонимом. Позднее Пичета говорил по этому поводу, что «беспартийный ректор при наличии руководящей партийной организации, да еще при отсутствии такта со стороны руководителя университетской фракции попадает в тяжелое, подчас невыносимое положение, унижающее человека и влекущее за собой тяжелые личные конфликты» [62, л. 135]. Неоднократно комфракцией принимались решения о снятии Пичеты с поста ректора [63, л. 290, 396].

В конце 20-х гг. на страницах белорусской прессы развернулась яростная кампания критики белорусской национальной интеллигенции. Не последнее место в оголтелых статьях рьяных исполнителей верховной воли заняли имя и дела университетского ректора [64]. Однако его было не так легко дискредитировать и сломить. Прошедшие годы воспитали в историке не только убеждение всегда в научных изысканиях следовать принципу Тацита «без гнева и пристрастия», но и таким же образом относиться к коловращению дней творимой советской истории, к ее мнимым и очевидным «творцам» — разновеликим по убеждениям и моральным принципам совчиновникам от образования и науки, всем, с кем ему приходилось иметь дело на нелегком посту ректора. Своими трудами, своим отношением к делу Пичета сумел приобрести в Беларуси огромный авторитет. Не раз в его защиту выступали коллеги, ученики и даже университетские партийцы. Но остановить травлю и уничтожение белорусской интеллигенции уже было невозможно. Усилились чистки профессорско-преподавательского состава БГУ. Пичета пытался защищать себя и своих коллег. По воспоминаниям академика В. А. Сербенты, он даже ходил в ОГПУ ходатайствовать за арестованных профессоров университета [65, с. 219]. А в марте 1929 г. вышла его статья под названием «Атака з нягоднымі сродкамі», где Владимир Иванович попытался ответить всем своим обвинителям [66]. Она не принесла ожидаемого результата.

В октябре 1929 г., во время перевыборов Правления, ректора В. И. Пичету по указанию Бюро ЦК КП(б)Б не переизбрали на новый срок. Дальнейшая судьба Пичеты как представителя старой российской интеллигенции не стала исключением из общих правил. В 1929—1930 гг. он был снят со всех занимаемых должностей, в сентябре 1930 г. арестован, безосновательно обвинен в контрреволюционной деятельности (проходил по делу академика С. Ф. Платонова [62; 67, с. 6]) и сослан в Вятку. В Беларусь Пичета больше не вернулся. Накопленный на белорусской земле опыт подсказывал ему держаться в стороне от проблем «нациотворчества» и в целом политики во всех ее проявлениях. А если потребуется — пытаться грамотно обойти возможные такого рода препятствия или же просто проимитировать свою сопричастность с «грандиозным социалистическим переустройством СССР и всего мира». Вся дальнейшая судьба первого белорусского советского университетского ректора, вплоть до кончины в 1947 г., была связана с Москвой. Здесь Владимир Иванович Пичета целиком сосредоточился на академической работе.

1. Горяинов, А. Н. В. И. Пичета как поборник единства славян и сторонник идей социализма / А. Н. Горяинов // Славянский альманах. 2001. М. : Индрик, 2002. С. 286—303.
2. Приглашение инициативной группы Лиги пропаганды Федераций, посланное В. И. Пичете 14. 12. 1917 г. 1917 г. // Архив Российской Академии наук (далее А РАН). Ф. 1548 (Личный фонд В. И. Пичеты). Оп. 2. Д. 44. Л. 1.
3. Национальный архив Республики Беларусь (далее НА РБ). Ф. 205. Оп. 1. Д. 6335. Личное дело В. И. Пичеты.
4. Кончаловский, Д. П. Воспоминания и письма (От гуманизма к Христу) / Д. П. Кончаловский. Paris: Librairie de cinq continents, 1971. 350 с.
5. Курс белорусоведения. Лекции, читанные в Белорусском народном университете в Москве летом 1918 года с библиограф. указ. по каждому вопросу и с прил. этнографической карты белорусского племени Е. Ф. Карского. М. : Белорусский п/отдел отдела просвещения национальных меньшинств Н. К. П., 1918. 308 с.
6. Брыль, В. Геній трох народаў (да 70-годдзя з дня смерці этнографа Н. А. Янчука) / В. Брыль // Чырвоная змена. 1991. 9—15 снежня.
7. Улащик, Н. Н. Вклад В. И. Пичета в дело создания белорусской исторической науки (основные положения сообщения, сделанного в Институте славяноведения и балканистики АН СССР 4 ноября 1978 г.). 1978 г. / Н. Н. Улащик // Центральная научная библиотека им. Я. Коласа. Отдел редких книг. Ф. 44 (Личный фонд Н. Н. Улащика). Оп. 1. Д. 237. Л. 3—7.
8. Улащик, Н. Н. «История белорусского народа» В. И. Пичеты и ее роль в изучении истории Белоруссии / Н. Н. Улащик // История и историки. 1980: историограф. ежегодник // АН СССР, Науч. совет по пробл. «История ист. науки» при Отделении истории АН СССР, Ин-т истории СССР, Ин-т всеобщей истории; отв. ред. М. В. Нечкина. М. : Наука, 1984. С. 175—186.
9. Дневниковые записи В. И. Пичеты во время поездки в Ригу в качестве эксперта при заключении Российско-украинско-польского мирного договора 8—12 сентября 1920 г. 1920 г. // А РАН. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 20. Л. 1—2.
10. Справки об истории Белоруссии и белорусов, Угорской Руси, о русско-польской границе, этнографической границе в Галиции, Венгрии, Буковине и Бесарабии и др., составленные В. И. Пичетой и Д. Н. Ушаковым и др. для работы российско-украинской делегации при заключении Российско-украинско-польского мирного договора в Риге. 1920 г. // А РАН. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 47.
11. Пічэта, У. І. Савецкая ўлада і пытанне аб адчыненні ўніверсітэта на Беларусі / У. І. Пічэта // Советское строительство. 1928. № 6. С. 137—144.
12. Тумаш, В. Яўхім Карскі: жыццё, навуковая спадчына, пагляды (1861—1931 гг.) / В. Тумаш // Выбраныя працы / В. Тумаш. Мінск : Б. в., 2002. С. 139—237.
13. Кіпель Я. Эпізоды — Episodes / Я. Кіпель; пад. рэд. І. Урбановіч, З. Саўкі. Нью-Ёрк: Выдавецтва газеты «Беларус», 1998. 305 с.
14. Звезда. 1921. 27 января.
15. Савич, А. А. Владимир Иванович Пичета, его жизнь и научная деятельность / А. А. Савич // Ученые записки Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. Т. 60. Вып. 2. М., 1949. С. 7—15.
16. Пічэта, У. І. Беларускі Дзяржаўны Універсітэт напярэдадні 10-годдзя Кастрычнікавай Рэвалюцыі / У. І. Пічэта // Беларускі Дзяржаўны універсітэт. Да 10-й гадавіны Кастрычнікавай Рэвалюцыі. Менск, 1927. С. 5—46.
17. Протокол заседания предметной исторической комиссии БГУ 28 апреля 1923 г. // НА РБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 765. Л. 55—56.
18. Отчет об организации органов управления Белорусского государственного университета согласно нового положения о ВУЗ. 1922 г. // НА РБ. Фонд 205. Оп. 1. Д. 52. Л. 4.
19. Учебные планы Белорусского государственного университета на 1923—1924 уч. г. // НА РБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 785. Л. 1—23.
20. Академик В. И. Пичета. Страницы жизни / Э. Г. Иоффе [и др.]; под. ред. В. В. Чепко и Д. Б. Мельцера. Минск : изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1981. 126 с.
21. Кореневский, И. Роль Белорусского государственного университета в подготовке кадров (К 10-летию БГУ 1921—1931 г.) / И. Кореневский // Десять лет Белорусского Государственно

го Университета 1921—1931 гг. Издание правительственной комиссии по празднованию десятилетия высшей школы в БССР Минск, 1931. С. 9—20.

22. Савецкая Беларусь. 1922. 29 декабря.

23. Об учреждении Белорусской государственной библиотеки и обязательной регистрации всех произведений печати, выходящих в пределах ССРБ: постановление СНК Беларуси, 15 сентября 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ССРБ. 1922. № 10. Ст. 138.

24. Каценбоген, С. З. Белорусский государственный университет за 1922—1923 академический год. (Итоги и перспективы) / С. З. Каценбоген // Рацы БДУ. 1923. № 4—5. С. 231—281.

25. Савецкая Беларусь. 1929. 30 лістапада.

26. Вестник народного комиссариата просвещения ССРБ. 1922. Вып. 7—8.

27. Саковіч, А. Да гісторыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта / А. Саковіч // Запісы Беларускага інстытута навукі і мастацтва. New York, 1954. № 1. С. 1—9.

28. Баліцкі, А. В. Праблемы культурнай рэвалюцыі / А. В. Баліцкі // Асвета. 1928. № 8. С. 41—49.

29. Гадавая справаздачная картка аб асабістым складзе служачых на тэрмін 1 студзеня 1930 г. // НА РБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 417. Л. 22.

30. Ходатайство В. И. Пичеты в Главнауку БССР о научных командировках для аспирантов А. В. Бурдейко, Ф. И. Забелло и К. Н. Товстолес 22. 2. 1928 г. // НА РБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 267. Л. 136—137.

31. Автобиография Д. И. Дудкова // Архив БГУ. Оп. 1. П. 3. Д. 3. Л. 1.

32. Подготовка кадров — раздел автобиографии В. И. Пичеты. 40-е гг. (имеются сведения об его аспиранте К. И. Керножицком) // А РАН. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 29. Л. 5—8.

33. Пічэта, У. Гістарычны тыдзень у Берліне / У. Пічэта // Савецкая Беларусь. 1928. 29, 31 ліпеня.

34. Пічэта, У. Міжнародны гістарычны кангрэс у Осла / У. Пічэта // Звезда. 1928. 31 августа.

35. Письма В. И. Пичеты чешскому историку Ярославу Бидло. Предисловие, публикация и примечания Е. Ф. Фирсова // Сб. науч. статей / Славяноведение в МГУ. М., 1987. Вып. 3: Вопросы истории и историографии зарубежных славянских народов. К 150-летию славяноведения в Московском университете. С. 162—164.

36. Марук, Я. Краязнаўчая праца студэнцтва. (Студэнцкае навукова-даследчае таварыства краязнаўства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта) / Я. Марук // Наш край. 1929. № 1. С. 6—14.

37. Пічэта, У. І. Аб пралетарызацыі і беларусізацыі ўніверсітэта / У. І. Пічэта // Савецкая Беларусь. 1928. 6, 10, 11 кастрычніка.

38. Вестник народного комиссариата просвещения ССРБ. 1922. Вып. 5—6.

39. Адраджэнне. Літаратурна-навуковы веснік Інстытута беларускай культуры. Сшытак першы. Менск, 1922. С. 288—297.

40. Улащик, Н. Н. В. И. Пичета в первые годы существования Белорусского государственного университета / Н. Н. Улащик // Славяне в эпоху феодализма. К 100-летию академика В. И. Пичеты: сб. науч. ст. / АН СССР, Ин-т славяноведения и Балканистики; редкол.: Л. В. Черепнин (отв. ред.) [и др.]. М., 1978. С. 66—72.

41. Каценбоген, С. З. Белорусский государственный университет за 1921—1922 академ. год. (Итоги и перспективы) / С. З. Каценбоген // Рацы БДУ. 1922. № 2—3. С. 326—363.

42. Докладная записка Правления БГУ в СНК Беларуси о необходимости постройки университетского городка (имеется проект городка, выработанный Правлением БГУ). Сентябрь—октябрь 1925 г. // НА РБ. Фонд 42. Оп. 1. Д. 1558. Л. 36.

43. Звезда. 1926. 27 января.

44. Устав Белорусского государственного университета. Постановление СНК БССР, 30 января 1929 г. // Сбор законов БССР. 1929. Отд. 1. № 5. Пост. 24.

45. Асвета. 1924. № 2. С. 130—131.

46. Інстытут беларускае культуры (Инбелкульт). Гісторыя ўзнікнення, сучасная структура, навукова-даследчая дзейнасць / Апрацаваў навуковы сакратар Інбелкульту А. І. Цвікевіч. Мінск, 1926. 118 с.

47. Юфэ, Э. Акадэмік У. І. Пічэта / Э. Юфэ // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1970. № 4. С. 55—56.

48. Звезда. 1924. 5 ноября.

49. Протоколы общих собраний, выписки из протоколов, положение об Институте белорусской культуры, строение института. 1924—1925 гг. // Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (далее — ЦНА НАНБ). Ф. 67. Оп. 1. Д. 8.
50. Склад сяброў сацыяльна-эканамічнай секцыі Інбелкульту. 1926 г. // ЦНА НАНБ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 16. Л. 80.
51. Наш край. 1925. № 1.
52. Савецкая Беларусь. 1924. 23 мая.
53. Шумейко, М. Ф. Архивист и археограф Дмитрий Иванович Довгяло / М. Ф. Шумейко. Минск : БелНИИДАД, 2002. 164 с.
54. Планы работ Инбелкульту за 1927—1928 гг., 1928—1933 гг. // ЦНА НАНБ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 33.
55. Институт белорусской культуры. Краткая информация. Минск, 1927. 8 с.
56. Уладзіміраў, Ю. Н. Новыя звесткі пра археографічную дзейнасць У. І. Пічэты і яго аспірантаў / Ю. Н. Уладзіміраў, В. У. Скалабан, М. М. Смальянінаў // Беларускі археографічны штогоднік. Вып. 3 / Рэдкал. : Р. П. Платонаў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелНДІДАС, 2002. С. 50—54.
57. Працы Першага ўсебеларускага краязнаўчага з'езда 7—11 лютага 1926 г. Менск, 1926. 83 с.
58. Справаздача бібліятэкі ІБК за 1924/1925 г. // ЦНА НАНБ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 21. Л. 81.
59. Анкетны ліст № 25/11 сябра Менскага гарадскога савета рабочых, сялянскіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў X склікання. 1928 г. // Государственный архив Минской области. Фонд 6 (Фонд Минского городского исполнительного комитета). Оп. 1. Д. 168. Л. 256.
60. Доклад Комиссии ЦКК ВКП(б) об итогах обследования практики проведения национальной политики в Белорусской ССР. 15 апреля 1929 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 85. Д. 365.
61. Міхнюк, У. М. Захоўваць вечна: справа № 20951-с / У. М. Міхнюк // Маладосць. 1992. № 6. С. 110—132.
62. Следственное дело В. И. Пичеты. 1930—1931 гг. // Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. № П-65245. Т. 19.
63. Протоколы заседаний коммунистической фракции Правления БГУ 4 января и 27—28 апреля 1926 г. // НА РБ. Ф. 4п. Оп. 7. Д. 48. Л. 289—291, 396—397.
64. Рабочий. 1929. 9 февраля; Савецкая Беларусь. 1929. 19 лютага.
65. Иоффе, Э. Г. Академик В. И. Пичета (1878—1947) / Э. Г. Иоффе // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 217—229.
66. Пічэта, У. І. Атака з нягоднымі сродкамі / У. І. Пічэта // Савецкая Беларусь. 1929. 1 сакавіка.
67. Академическое дело 1929—1931 гг.: Док. и материалы следств. дела, сфабрик. ОГПУ / Б-ка Рос. акад. наук; редкол.: В. И. Леонов (отв. ред.) [и др.]. СПб. : РАН, 1993. Вып. 1.: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова / Изд. подгот.: В. П. Захаров [и др.]. 295 с.

SUMMARY

Basing on the significant number of sources and previously unknown facts the author describes the Belarusian period of life of the well-known Russian and Soviet historian and slavist V. I. Picheta. He was one of the establishers of the first Belarusian university (Belarusian State University) and its first rector from 1921 to 1929. The article deals with the complicated and tragic destiny of the Soviet intellectual of the «old school», who accepted the Soviet regime already in 1917. Picheta not only obediently followed its prescriptions, but also initiated numerous important endeavours in the field of humanities. He actively put into practice the Belarusian national idea and was a devout supporter of «Belarusization», but as a result, he became persona non grata to the new revolutionary government in the same way as many of his colleagues and associates and was accused of hostility and espionage activities ordered by Western countries. His enthusiasm and admiration for the creation of a «new world» vanished after spending several years in prison and exile.